

...По-моему, Борис Докторов и Владимир Ядов — идеальные собеседники (что стало ясно уже по предыдущей их совместной работе) [1]. Здесь же налицо — первый, важный опыт *конкретного* (персоналистического) обозрения и анализа проведенных Докторовым биографических интервью [2].

Комментарий Ларисы Козловой к «разговорам через океан» мне тоже представляется весьма удачным. Явная или неявная полемика (с Б. Д.), просматривающаяся в этом материале, диалогична, а значит — продуктивна. Безоговорочной правоты нет у обеих сторон, мне кажется. Просто каждому надо другого учитывать, чтобы не возникло схоластического спора (о терминах).

Насчет «социологии 30-х гг.», думаю, не стоит обольщаться. Характерно, что в библиографии советских социологов: 1920-1930-е гг», составленной Францем Шереги [3], из 80 без малого названий лишь дюжина относится к 30-м гг., и то — почти исключительно 1930-1931 гг.

Вот в 20-х — действительно, было немало ценного. Сужу хотя бы по социологии печати и общественного мнения, во что в свое время я пристально вникал и по поводу чего, будучи аспирантом (60-е гг.), конфликтовал с тогдашним деканом журфака ЛГУ А.Ф. Бережным.

Именно в 1930 г. начались идеологические погромы во всех науках гуманитарного профиля. Главными "фигурантами" в моей предметной области были газетовед М. С. Гус (1900-1984), и В. А. Кузьмичев, автор цитируемой и в наше время книги «Организация общественного мнения. Печатная агитация» (М.-Л., 1929). Оба обвинялись в насаждении «чуждых нам» идей (немецкого газетоведения, в одном случае, и концепции У. Липпмана, в другом). Обоим мне приходилось встречать, уже в 70-х гг.

В частности, первый (Михаил Семенович Гус), о котором в сборнике 1930 г. я нашел статью «Против гусовщины», позднее стал едва ли не скандально известен своим «дремучим» догматизмом, идеологической нетерпимостью и т. п. Не удержусь здесь, чтобы не процитировать «Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича (рассказанные им самим):

«В «Лижи» («Литературная газета». — А. А.) появилась большая, на целую страницу, статья критика Михаила Гуса «Правда эпохи и мнимая объективность», в которой меня сразило утверждение, что (цитирую дословно) «Войнович придерживается чуждой нам поэтики изображения жизни «как она есть». Гус глубокомысленно рассуждал о том, что в нашей жизни существуют две правды: правда маленькая, правда факта и правда большая, правда эпохи. Если держаться правды факта, то можно достоверно

описать разные бытовые подробности, но при этом будет упущено из виду главное — что все это происходит в обществе, строящем коммунизм.

Этот Гус впоследствии бдительно следил за каждым моим шагом. Когда через два года в том же «Новом мире» были напечатаны два мои рассказа, один из которых подвергся резкой критике, Гус, в целом с ней соглашаясь, написал, что критики обошли молчанием второй рассказ, который идеологически гораздо вреднее. В чем я с ним был совершенно согласен» [4].

Вот такая получилась эволюция...

Вообще же, я думаю, предметом специального исследования могло бы стать своеобразное соотношение "наследственности" и "изменчивости" в российской общественной науке. При этом важно проследить основные ряды: *идеи; люди; институты* [5], [6].

Во всех трех рядах — преемственность *разная*, при взаимовлияниях этих рядов, и при внутренних и внешних (зарубежных) научных влияниях, не говоря уж о вненаучных (идеологических, социокультурных, общественно-исторических,).

Короче: "личностное науковедение" (по методологии Б. Докторова) должно рассматриваться и развиваться в широком историко-научном контексте. Не недооценивать значение истории социологии «с человеческим лицом», но и не преувеличивать его.

Литература

1. Б. Докторов: "Работа над биографиями — это общение с моими героями" (Интервью В. Ядова с Б. Докторовым) / Телескоп, 2008, № 1.
2. См. материалы постоянной рубрики «Современная история российской социологии» в журнале «Телескоп» — http://www.teleskop-journal.spb.ru/?cat=30&type=by_theme&value=29
3. См. Шереги Ф. Краткий список работ советских социологов: 1820-1930-е гг. — http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/biblio_early_russian.html
4. См. Новые известия, 28 апреля 2006 г. — <http://www.newizv.ru/print/45563>.
5. Алексеев А. Н. История российской социологии в лицах (Материал к научному семинару «Актуальная история российской социологии» СИ РАН, СПбГУ, Социологическое общество имени М. М. Ковалевского; июнь 2007.) - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_sociology.html
6. Алексеев А. Н. Личностное науковедение (на примере современной российской социологии) / XXII Люблинские чтения. Современные проблемы эволюции (сборник докладов). Ульяновск. Ульяновский государственный педагогический университет, 2008). См. также: http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_lichnauko.html

¹ В этой заметке использованы материалы моей переписки с Б. Докторовым в апреле 2008 г.